

УДК 316.443

НАТАЛИЯ КОВАЛИСКО,

доктор социологических наук, профессор кафедры социологии исторического факультета Львовского национального университета имени Ивана Франко, Львов

СЕРГЕЙ МАКЕЕВ,

доктор социологических наук, заведующий отделом социальных структур Института социологии НАН Украины, Киев

Благосостояние и неравенство в сравнительной перспективе: случай Польши и Украины

Лучшее понимание происходящего в стране часто приходит при сравнении, и Польша, пожалуй, наиболее предпочтительный вариант. История взаимоотношений богата и противоречива: так бывает между теми, кто не просто сопределен, но когда-то жил вместе, то сближаясь, то размежевываясь. Ко второму десятилетию текущего века обе страны практически сравнялись по численности населения (38 млн в Польше и 42 — в Украине); Польша практически моноэтнична, у нас четыре пятых составляют украинцы, и говорить о полиэтничности приходится с оговорками. Правда, территория почти в два раза больше в Украине, а плотность населения соответственно меньше, но как это влияет на благосостояние и неравенство не установлено, и возможно, такое влияние вообще не стоит устанавливать в данном случае.

Однако вследствие или поверх названных и прочих сходств и различий социально-экономические маршруты движения Польши и Украины относительно расходились с последнего десятилетия прошлого столетия и расходятся до сих пор. Первая стабильно развивается, наверстывая отставание в качестве жизни людей от стран Западной Европы. В Украине же рецессия 1990-х годов сменилась неустойчивым ростом экономики, прерывавшимся во второй половине 2000-х и 2010-х годах, а разница в уровне и условиях повседневного существования по сравнению с восточноевропейскими соседями

© Н.Ковалиско, С.Макеев, 2019

ми если и не становится больше, то продолжает быть существенной. Когда приобретения не случаются, более заметными и патогенными оказываются деформации в институциональной и социальной структуре общества, в масштабах неравенства, в отношениях государства и граждан, в эффективности труда.

Едва ли не первое правило экономической деятельности, равно как и эффективного воспроизводства условий совместной жизни людей в национальных границах, состоит в том, чтобы минимизировать издержки и максимизировать выгоды всем вместе и по отдельности. Рациональность в данной сфере, как водится, представляет собой не амальгаму двух тактик с подвижной границей, где доли частей непостоянны, будучи обусловленными специфическими особенностями национальных экономических культур. Можно (А) придерживаться регуляторных норм, устанавливаемых государством в виде налогового и трудового законодательства, призванных в несколько романтическом определении попечительствовать общему благу, и полагать при этом, что каким-то образом будет обеспечено справедливое распределение создаваемого общими усилиями богатства народа. Или же (Б) можно уклоняться от следования нормам, включаясь в теневую экономику — неоднородное множество рискованных экономических игр (видов производительной деятельности) индивидов и их объединений между собой и с государством. Речь идет о множестве областей непрозрачности, снижающих степень достоверности социально-экономических оценок благосостояния и неравенства, и играх, в которых, под каким бы углом ни глядеть, у государства свои неправильности в делах, а у индивидов свои особые неправильности действий и, предположительно, мотиваций; играх с сомнительной победой, какой бы стороной она ни присваивалась и кому бы ни приписывалась. Ставкой в этих играх оказываются материальные выгоды против рисков быть привлеченными к юридической ответственности и понести наказание, а для кого-то — и моральные коллизии: насколько все это правильно и нравственно по некоему “большому счету” и приемлемо для конкретного участника.

Как известно, все существующие на планете экономики имеют “тень”; большую или меньшую, но ни одному правительству в мире не удалось сделать/сказать “тень, пошла прочь” так, чтобы она удалилась. Параллельно с государственной политикой занятости, например, существует приватно-латентная, уклоняющаяся от юрисдикции национального законодательства. Вследствие латентности она недостаточно уверенно опознается и потому редко становится предметом массовых или качественных исследований. В ФРГ, например, 10% опрошенных в нескольких волнах репрезентативных выборок в середине прошлого десятилетия сообщали о выполнении ими недекларируемой работы. В ней более активны самозанятые (индивиды и семейные пары), молодежь (студенты), те, чей доход самый маленький. Платят за нее меньше, чем при легальном трудоустройстве, а наиболее распространена неофициальная занятость в строительстве, сфере услуг, в сельском хозяйстве [Feld, Larsen, 2012: p. 105–107].

Ныне помимо офлайн-экономики функционирует и онлайн-экономика, динамично растет онлайн-рынок труда в сфере информационных технологий, так что заработки во всемирной паутине стали привычным делом. Обнаружилось, что Украина занимает первое место в Европе по занятости на цифровых платформах, измеряемой суммой финансовых потоков и ко-

личеством выполненных заданий, тут работает примерно полмиллиона преимущественно молодых офисных работников, а доход мужчин больше, чем женщин. Киевский международный институт социологии (КМИС) по заказу Международного бюро труда осенью 2017 года провел исследование условий труда работников цифровых платформ. Большинство из них считает себя фрилансерами, для 26% такая работа является основной, а три четверти не регистрируются как самозанятые и не платят налогов. Компетентность и дешевизна рабочей силы — вот что делает их привлекательными для нанимателей внутри страны и за рубежом. При этом их заработки лишь несколько — так они говорят интервьюерам — превышают средние по стране [Алексинська, Бастракова, Харченко, 2018].

Понятно, что не вся недекларируемая занятость учитывается существующими методиками количественной оценки теневой (неформальной) экономики, неоднородность и масштабы которой остаются предметом дискуссий и уточнений. Так что выбор невелик, и потому сошлемся на основные результаты, касающиеся Польши и Украины, изложенные в недавней публикации Всемирного банка [Medina, Schneider, 2018]. Для Украины средний за 25 лет ее размер исчислен в 43% (минимум 37%, максимум 57%), а в Польше 25%, в 1,8 раза меньше. Причем если в 1991 году в Польше она была 33% и в два раза уменьшилась до 17% в 2015, то в Украине — 37% и быстро увеличилась до 57% в 1998-м, а затем медленно снижалась до 43% в 2015-м, так и не достигнув отметки 1991 года [Medina, Schneider, 2018: p. 66, 68, 74, 75].

Некоторые экономисты, которым не удалось получить у Ф.Шнайдера исходные данные для того, чтобы повторить его вычисления, говорят даже о произвольности подобных оценок [Feige, 2016]. При всей неоспоримой условности приведенных цифр очевидно, что утаиваемая от отчетности, не декларируемая занятость и доходы от нее в нашей стране все же заметно больше, чем у западного соседа. Не столь уж значимо, в точности ли две пятых экономики Украины в 2015 году все еще были “в тени”, тогда как в Польше — лишь шестая часть, то есть в 2,5 раза меньше, как это следует из приведенных данных. Ошибка измерения тут принципиально не вычисляема, но достаточно знать, что разница ощутимая.

Вместе с тем не ясно, какого рода исследования необходимо провести для хотя бы приблизительной оценки влияния теневых доходов на благосостояние наций, благосостояние граждан и экономическое неравенство в стране. Поэтому в дальнейшем изложении приходится удовлетворяться нахождением и описанием некоторых соответствий и расхождений, сопутствующих разным масштабам незарегистрированной экономической деятельности.

Динамика благосостояний наций

После А.Смита принято отдельно рассматривать и ранжировать по странам и континентам “богатство народа/нации”, выраженное в соответствующих статистических показателях. Правда, шотландский мыслитель в работе “Исследование о природе и причинах богатства народов” в количественные тонкости не входил, полагая, что в самом общем плане оно зависит от “искусства, умения и сообразительности в применении своего труда”. А более конкретно — от прогресса в разделении труда, соотношения занятых и

безработных, степени развития отраслей с наибольшей эффективностью труда, политики властей, собираемых налогов. Что и по сей день остается верным.

В XXI веке сложные феномены пытаются представить замысловато сконструированными индексами и выразить в правдоподобных, вроде бы, числах. В опубликованном в 2018 году третьем обзоре Мирового банка о благосостоянии наций оно оценивается в перспективе четырех комплексных компонентов: произведенный капитал (ВВП на душу населения), естественный капитал (недра, леса, земля), человеческий капитал (продолжительность трудовой жизни и получаемая заработная плата), доход иностранных активов. Причем впервые на основе обследования домохозяйств в 141-й стране в человеческом капитале учитывается тип занятости (наемные работники и самозанятые), а также гендер [Lange et al., 2018: p. 25–41], а методика оценивания описана в “Appendix A” [Lange et al., 2018: p. 211–224]. По принятой в работе классификации Украина отнесена к “нижней страте стран со средним доходом”, вместе с Молдовой, Узбекистаном, Таджикистаном, Киргизией, Индией, Египтом, Нигерией и др. В то же время Польша — к странам с высоким доходом, входящим в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Общее благосостояние Польши на душу населения по обменному курсу доллара в 2014 году оценено в 2,8 раза больше, чем Украины (154,932 против 56,053), а человеческий капитал — в 6 раз больше (113,406 против 18,952) [Lange et al., 2018: p. 231–232].

В составленном Мировым экономическим форумом иерархическом списке экономик 138 стран по индексу их конкурентоспособности (ранжируется от 1 до 7) за 2016–2017 годы для построения индекса использовались 114 индикаторов, сведенных в 12 “оснований” (pillars). Польше отведено 36-е место (4,56), а Украине 85-е (4,00) [Schwab, Sala-i-Martin, 2016: p. 298, 350]. Если по сравнению с 2012–2013 годами Польша поднялась вверх на пять мест, то Украина опустилась вниз на двенадцать. Первая страна традиционно относится к преуспевающим странам, единственную в Европе ее не затронул финансовый кризис 2008–2009 годов. Украина же, напротив, числится в реестре бедных государств, с экономикой, никак не способной обрести устойчивое развитие, с политической нестабильностью, коррупцией, неэффективными институтами, инфляцией, а после 2014 года и с военными действиями на ее территории — факторами, угнетающими предпринимательскую активность и понижающими уровень жизни индивидов и семей. Согласно официальной статистике, макроэкономические пути обеих стран за четверть века после того, как они стали строить капитализм, скорее расходились, чем сближались; путь успеха не без углубления неравенства против неуверенного роста и крутых обрывов едва обозначившихся позитивных трендов.

Общая картина именно такова, но отдельные детали при ближайшем рассмотрении свидетельствуют, что она не так проста. Проиллюстрируем очевидные и известные тенденции относительно простыми данными о динамике ВВП и заработных плат.

Социально-экономические маршруты движения Польши и Украины основательно расходились с последнего десятилетия прошлого века и расходятся до сих пор. Рост экономики Польши обозначился уже в 1992 году и к 2017 году, если ориентироваться на ВВП по паритету покупательной спо-

способности¹, вырос в 4,9 раза. Тогда как в Украине ВВП становился меньше вплоть до конца 1990-х, затем подрастал незначительно с двумя перерывами — по всем известным причинам — в 2009 и 2013–2014 годах. И если в самом начале перехода к смешанной экономике объемы ВВП в обеих странах были сопоставимы, то к 2017 году в Польше он стал в 3 раза больше, чем в Украине (рис. 1).

Нечто противоположное происходило с заработными платами (в долларах США по обменному курсу) сравниваемых стран: они увеличивались, но в Украине быстрее, чем в Польше (рис. 2). В 1995 и в 2000 годах в Польше она была в 10 раз больше. Но с 2005 года и вплоть до 2018 года всего лишь в 3–4 раза, что сопоставимо с соотношением отличий в создаваемом в странах валовом продукте. Заработная плата, как видно из того же рисунка, гораздо более чувствительна к мировой и национальной экономической конъюнктуре: кривая на временной шкале сгибается и вьется под действием сил, не очевидных нам, социологам.

ВВП Польши подрастал без перерыва даже на мировой финансово-экономический кризис, но средняя заработная плата становилась меньше в 2009 году (82% от средней в 2008 году), в 2012-м (92% от уровня зарплаты 2011 года), в 2016-м (84% от средней зарплаты 2014 года) (рис. 3). ВВП в 2017 году в 1,7 раза больше, чем в 2008-м, но средняя заработная плата составляет 81% среднего заработка поляка в 2008 году. Кривая ВВП на рисунке задирается вверх, кривая зарплат отстает; богатство нации все больше, доходы занятых в экономике — все меньше. Стоит предполагать, что выгоды от экономического роста распределяются неравномерно, имея своим следствием углубление неравенства.

В Украине турбулентности объемов создаваемого валового продукта соответствует секвестрование заработных плат. Но масштабы оказываются различными. Если ВВП в 2009 году по сравнению с предыдущим сократился на 14% (с 405 млрд до 347), то заработная плата — на 28% (с 342 долл. США до 245). Еще более значительная разница обозначилась после начала войны на Востоке страны. ВВП уменьшился в 2015 году на 13% по сравнению с 2013 годом, а средняя заработная плата в 2016 году составила 47% средней зарплаты 2013 года. Экономически активное население обеднело больше, чем нация в целом.

В практике сравнительных экономико-статистических обследований принято, что межстрановые сопоставления по уровню заработной платы методологически правильнее проводить на основе не номинальных обменных курсов валют, но пересчитанных по паритету покупательной способности. Специалисты Московской высшей школы экономики выполнили подобные вычисления для ряда стран и представили их в соответствующем докладе. Средняя заработная плата в Польше в 2017 году превышала среднюю в Украине в 2,2 раза (2343 долл. США против 1074 долл.) [Овчарова,

---

¹ Цифры номинального, реального, по паритету покупательной способности ВВП отличаются. Здесь и далее в тексте те или иные упоминаются исключительно для иллюстрации трендов. Последнее относится и к заработной плате, исчисляемой то в национальной валюте, то в долларах США по обменному курсу, то по паритету покупательной способности. Вопрос о том, какие из них точнее характеризуют “реальное положение дел”, не принадлежит к компетенции авторов.

ВВП ППС, млрд долл. США

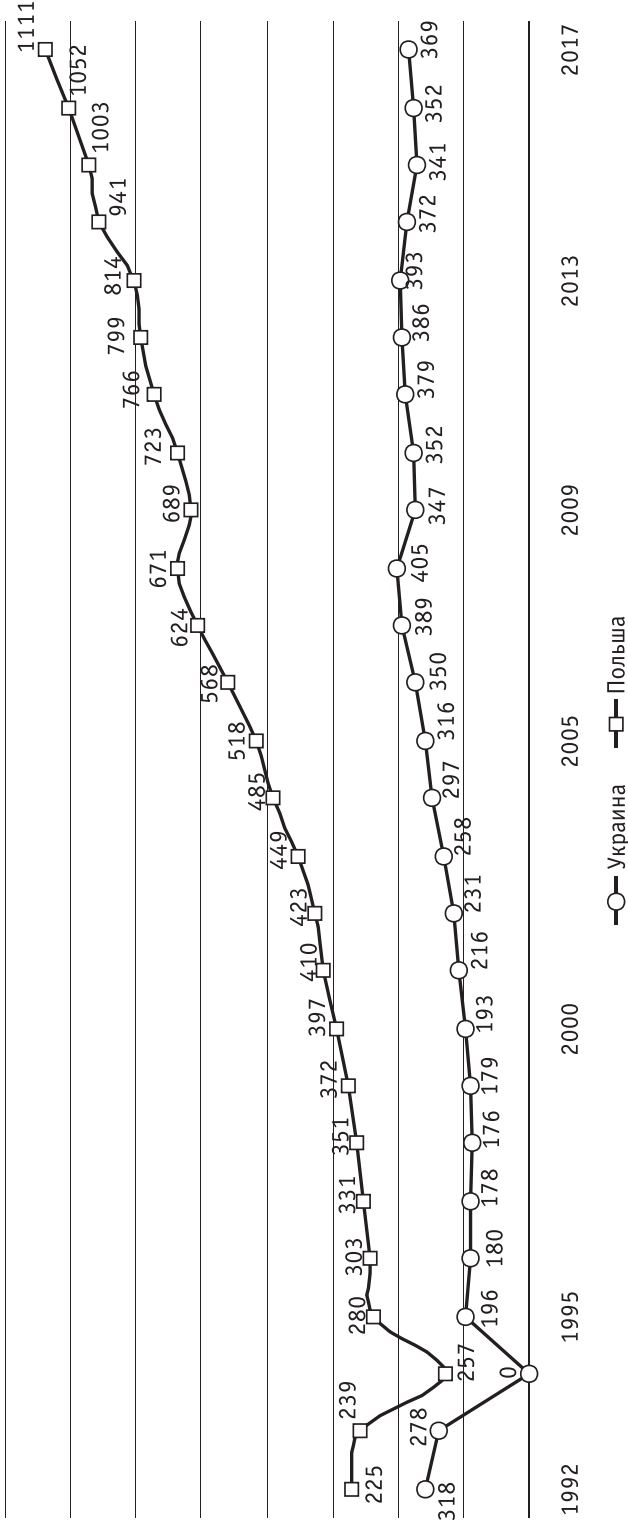

Рис. 1. Динамика внутреннего валового продукта (ВВП ППС) Украины и Польши

Источники: по Украине — <https://worldtable.info/ukekonomika/tablica-vvr-ukrainu-ro-godam-1991-2016.html>;
по Польше — <https://seosait.com/dinamika-gdp-polska-1986-2017/>

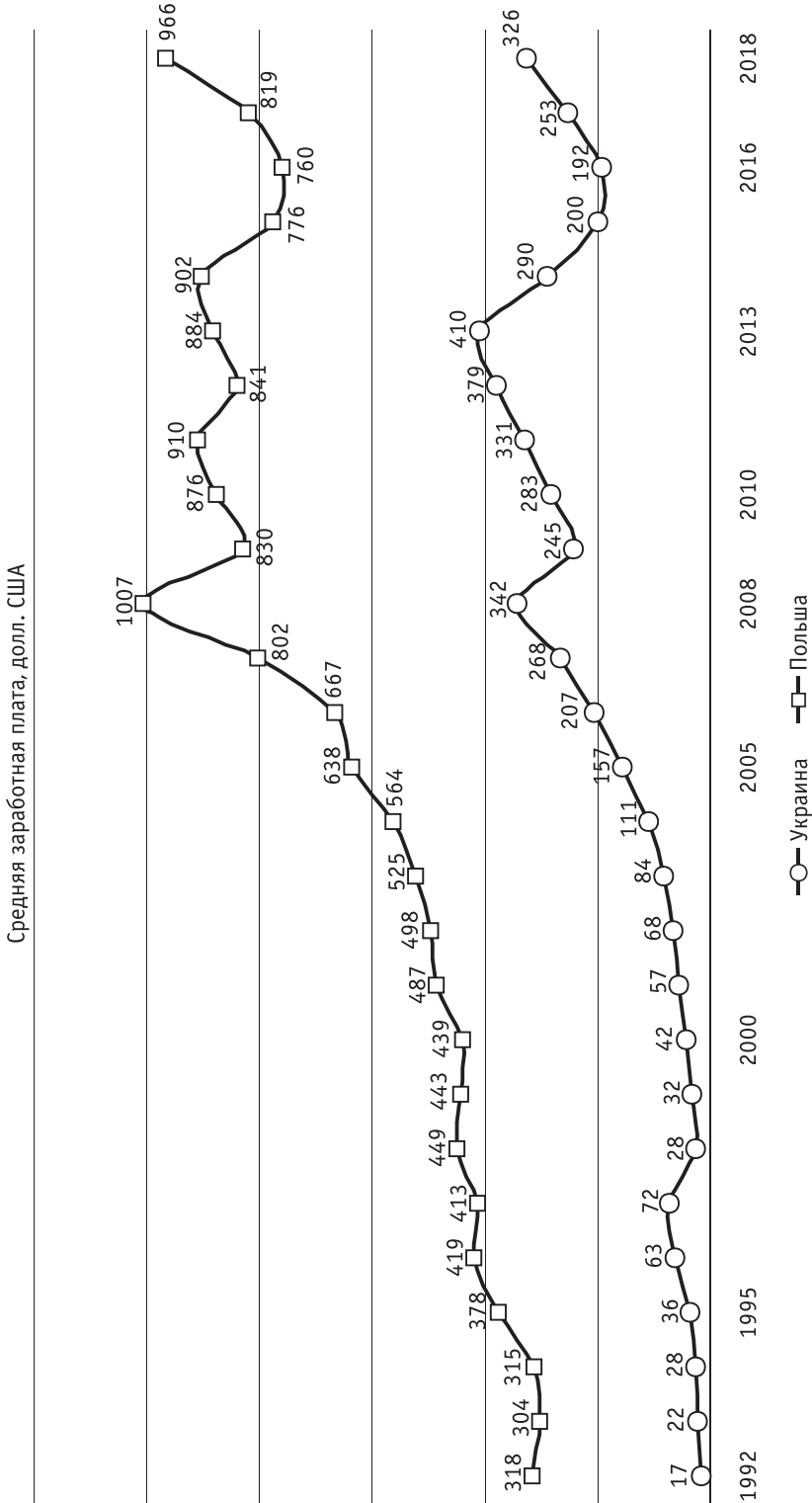

Рис. 2. Динамика средней заработной платы в Украине и Польше

Источники: по Украине — <https://seosait.com/s-z-in-ukraine-s-1984-2015-god-v-grivnax-i-dollarax-usa;>

по Польше — <http://www.wykor.pl/ramka/4363507/srednia-placa-netto-w-polsce-w-latach-1970-2018-w-dollarach-amerykanskich>

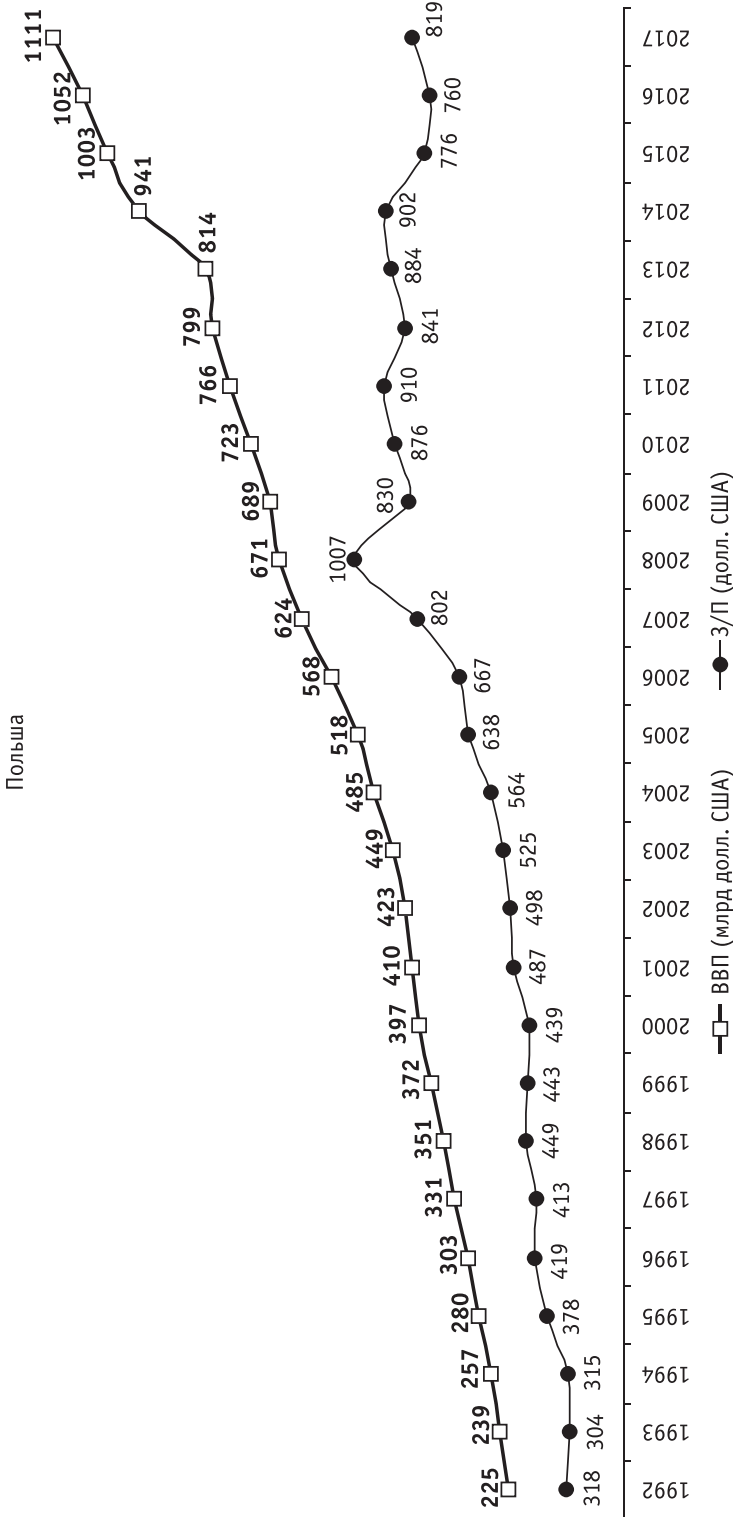

Рис. 3. Динамика ВВП и средней заработной платы в Польше

Источники: по ВВП — <https://seosait.com/dinamika-gdp-polska-1986-2017/>;

по зарплатам — <http://www.wykor.pl/ramka/4363507/srednia-placa-netto-w-latach-1970-2018-w-dolarach-amerykanskich/>

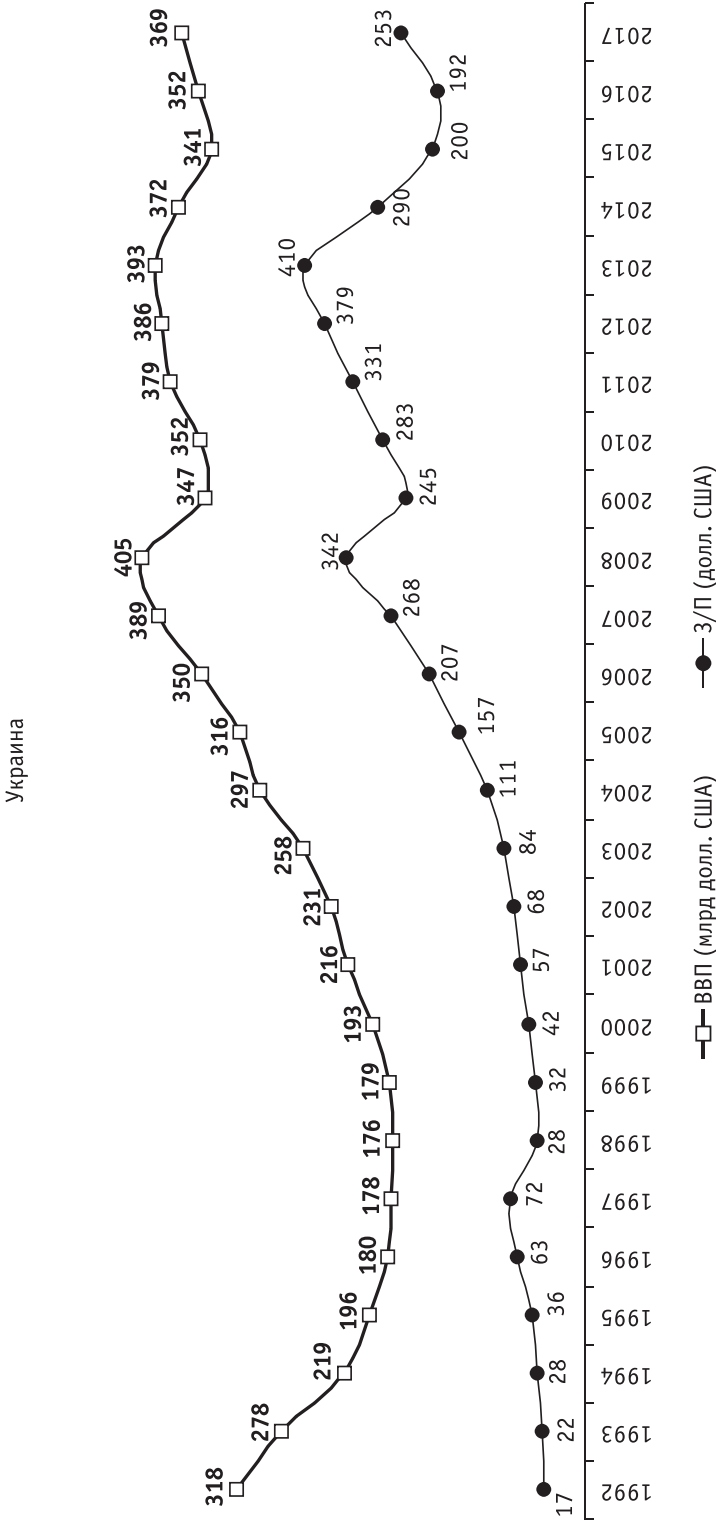

Рис. 4. Динамика ВВП и средней заработной платы в Украине

Источники: <https://worldtable.info/ekonomika/tablica-vvr-ukrainu-po-godam-1991-2016.html>;
<https://seosait.com/s-z-in-ukraine-s-1984-2015-god-v-grivnah-i-dollarax-usa/>

2018; с. 15]. Такое соотношение немногим отличается от полученного при сравнении зарплат по номинальному обменному курсу (в 3 раза) и позволяет заключить, что стоимость потребительской корзины в Украине если в целом и дешевле, то не намного.

Зависимость между ростом/рецессией экономики и размерами теневой экономики подчиняется локальным, внутринациональным особенностям. Так, в Украине каждый спад в производстве валового внутреннего продукта сопровождался ростом теневой экономики, а умеренные подъемы чуть снижали масштабы незарегистрированной деятельности или же стабилизировали ее (рис. 5). Своеобразная украинская экономическая тень, чувствительная к периодам нисходящего ритма хозяйственной активности, когда она сгущается и растет, но практически не восприимчивая к восходящим периодам — не благоприятным, но и не фатальным для нее. Между тем в Польше теневая экономика стабильно сокращалась в размерах, причем вне зависимости от темпов роста экономики (рис. 6).

В общем, правило таково: чем менее эффективна экономика, чем ниже вознаграждается “человеческий капитал” (чем дешевле рабочая сила), тем больше разнообразие “латентных экономик”, тем труднее вести бизнес, тем вероятнее присутствие товарно-денежных отношений, часто именуемых коррупцией, там, где по неким высоким стандартам их не должно быть.

Благосостояние граждан

Благосостояние, очевидно, не сводится только к количественной оценке уровня доходов и неравенства в доходах — весьма специализированной сфере наблюдений и исследований, ознакомиться с состоянием которой можно в обстоятельной хрестоматии под редакцией Э.Аткинсона и Ф.Бургиньяна [Atkinson, Bourguignon, 2015]. Доход является удобным, повсеместно используемым, но приблизительным, неполномочным показателем зажиточности индивидов и семей. Последнюю все чаще пытаются представить в виде комплексного явления, оцениваемого по ряду параметров доступа к неким жизненно важным ресурсам и по самооценкам качества условий существования. Так, в рамках инициативы “Лучшая жизнь” (Better-Life-Initiative-2017) Организация экономического сотрудничества и развития (OECD) описывает благосостояние домохозяйств с помощью 11-ти показателей и 25-ти индикаторов (подробнее см. на сайте: www.oecd.org/statistics/Better-Life-Initiative-2017). По ним отслеживается динамика стран-членов организации; Польша там, естественно присутствует, а Украина — нет. Впрочем, приведенные выше макроэкономические данные и здравый смысл подсказывают, что население западного соседа живет материально благополучнее. А с развитием онлайн-экономик и онлайн-рынков труда тезис А.Смита об “искусстве, умении и сообразительности в применении своего труда” распространился на индивидуальное интернет-предпринимательство, чаще всего недекларируемое.

Потому далее ограничимся простыми, но показательными сопоставлениями на основе информации из обследований домохозяйств центральными государственными статистическими организациями обеих стран. И примем во внимание, что продукты питания в пересчете злотого к гривне по номинальному обменному курсу стоят в Польше чуть дешевле, бытовая тех-

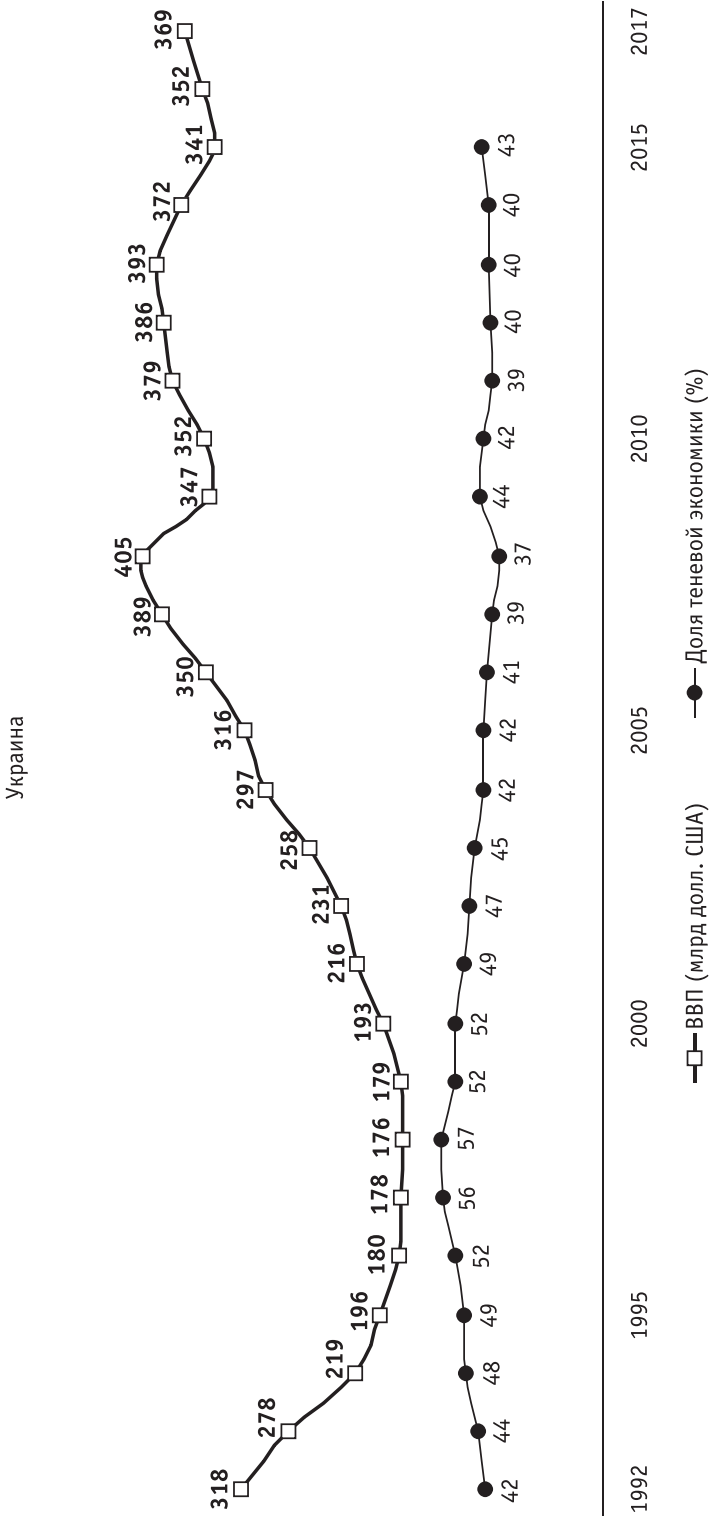

Рис. 5. Динамика ВВП и теневой экономики в Украине

Источник: [Medina, Schneider, 2018: р. 68, 75]

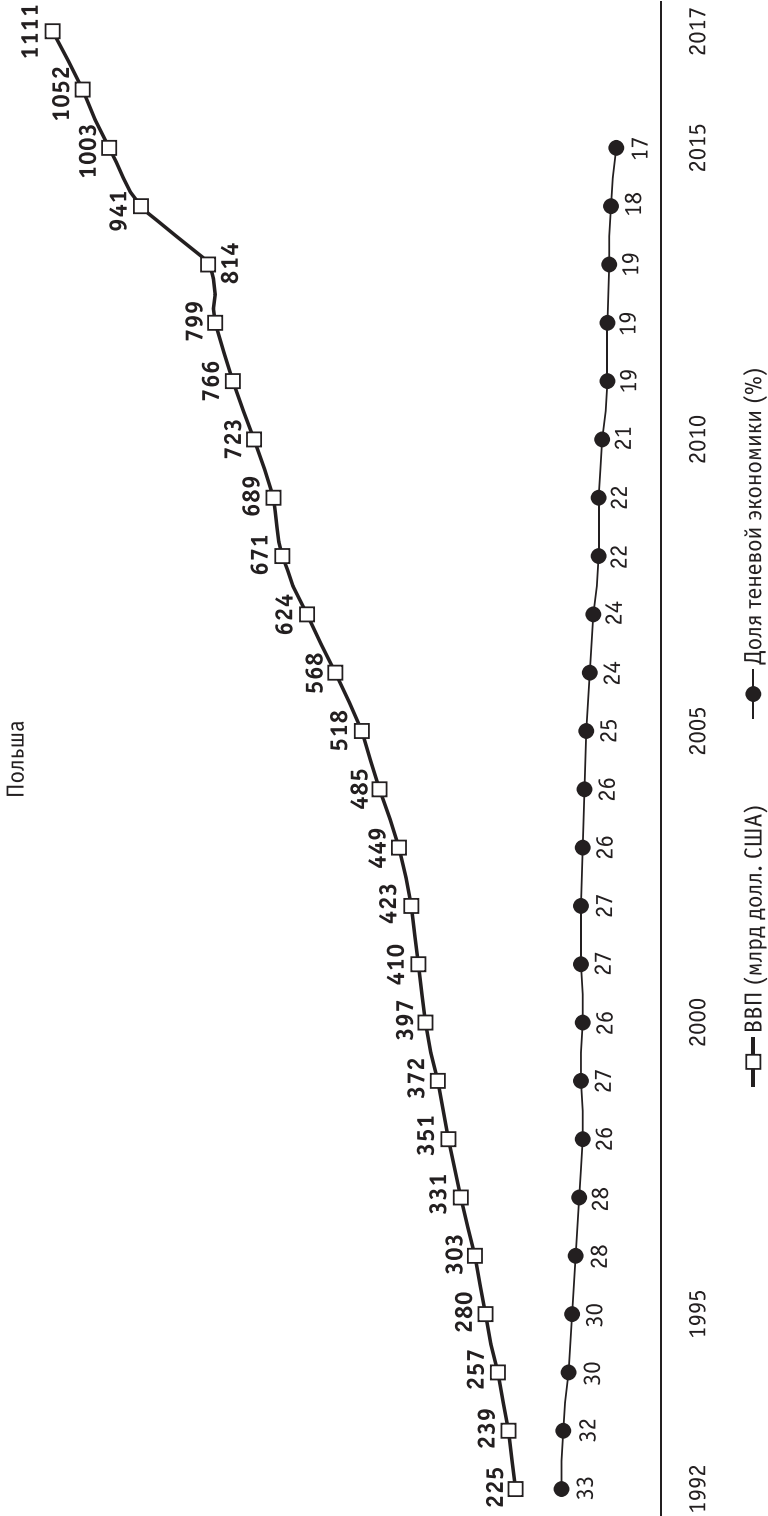

Рис. 6. Динамика ВВП и теневой экономики в Польше

Источник: [Medina, Schneider, 2018: р. 66, 74]

ника (см., например: <http://shoppingpl.com>), квадратный метр новой жилой площади, аренда квартир — примерно столько же, а что-то (ряд коммунальных услуг, газ и электричество) — дороже.

Средний доход в месяц на одного члена домохозяйств в Польше в 2016 году составил 1475 злотых [Główny urząd statystyczny, 2017: s. 41], что по обменному курсу в 3,94 составило 374 доллара. В Украине в 2017 году доход был 3798 гривен, или 146 долларов из расчета 26,04 к 1 [Державна служба статистики України, 2017]. Это в 2,6 раза меньше и близко к соотношению зарплат, рассчитанных по паритету покупательной способности, а также заметно меньше разницы в зарплатах по номинальному обменному курсу доллара в обеих странах. Отсюда следует, что при равенстве номинальной стоимости продуктов питания и бытовой техники в обеих странах в бюджете украинцев они “стоят” в 2–3 раза дороже — в зависимости от того, какие соотношения взять за основу сравнения.

Если расходы домохозяйств в Польше составляли три четверти доходов, что позволяло делать сбережения, то в Украине население после 2014 года живет в режиме снижения доходов. Граждане тратят больше, чем зарабатывают, расходуя на жизнь сделанные ранее накопления и, вероятно, доходы от теневой экономики, откладывая на неопределенное будущее дорогостоящие покупки. При этом на продукты питания в украинском домохозяйстве уходит 50% дохода, а в польском — в два раза меньше (24%). Там только 20% домохозяйств (первая квинтильная категория) с самыми низкими доходами тратят на продукты питания половину дохода. Подобное соотношение характерно для потребительской ситуации тех, кто в западных странах зарабатывает мало, а также для стран подобных Украине — с низкой стоимостью “человеческого капитала”.

Хотя телевизоры, холодильники, стиральные машины, мобильные телефоны имеются практически в каждой польской и украинской семье, обеспеченность предметами длительного пользования все-таки разная. Почти две трети домохозяйств Польши имеют автомобиль, в Украине — около четверти, в польских семьях в 26,5 раза чаще встречается посудомоечная машина, в четыре раза — кухонный комбайн. В 2,5 раза больше польских семей имеют спутниковую антенну, в 1,6 раза — велосипед, причем в Украине их очень мало в больших городах, но почти две трети — в сельской местности (рис. 7).

В среднем житель Польши живет в более просторном и удобном доме/квартире. В домохозяйстве в 2016 году в среднем 3 комнаты общей площадью 77,2 кв. м, на одного — 27,6 кв. м. Практически все они оснащены водопроводом (99%), газом (91%), канализацией (98%) [Budżety, 2017: s. 256–257]. В Польше лишь 17% заявили, что занимаемое семьей помещение слишком маленькое и они нуждаются в его расширении.

В структуре жилищного фонда Украины на одного человека приходилось 23,3 кв. м общей жилой площади. Причем в нашей стране лишь 60% жилого фонда имеет водопровод и канализацию — такие данные можно найти в специальном сборнике государственной службы статистики [Житловий фонд України, 2018: с. 41]. Выставляемые на сайте материалы обследования домохозяйств в 2017 году свидетельствуют, что в 39% из них на одного члена выходит меньше принятой в стране санитарной нормы — 13,65 кв. м (средние данные по жилой площади на одного члена домохозяйства отсутствуют). 56% опрошенных в домохозяйствах удовлетворены своими жилищными условиями, а в сельской местности — 45%.

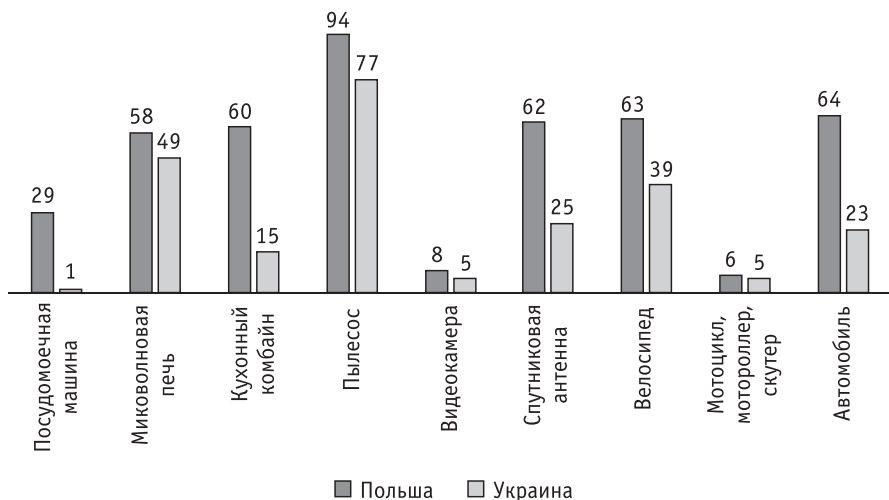

Рис. 7. Обеспеченность предметами длительного пользования домохозяйств Польши и Украины (2016, %)

Источники: Główny urząd statystyczny (Central statistical office). Budżety gospodarstw domowych w 2016 r. Warszawa, 2017. (Household Budget Survey 2016. Warsaw, 2017); Державна служба статистики України. Наявність у домогосподарствах товарів тривалого користування (Publication Availability of Durables in Households) (за даними вибіркового опитування домогосподарств у жовтні 2016 року). Статистичний збірник. Київ, 2017.

Украинцы знают, что даже за простой труд в Польше платят больше, чем в Украине за довольно сложный, и едут туда работать: 1,5 миллиона занятых в экономике соседа видится достоверной цифрой. Но и поляки знают, что даже за простой труд в странах Западной Европы платят больше, чем в Польше за сложный. И отправляются туда за более справедливой, как они, вероятно, полагают, компенсацией трудовой отдачи: 2,5 млн выехавших за пределы страны в 2016 году — цифра, сообщаемая статистической службой. Так разница в вознаграждении “человеческого капитала” поднимает и поддерживает волну миграции, в невозмещаемом убытке от которой остается Украина.

По оценке *The World Factbook* для 2017 года уровень смертности в Польше 10,4 на 1000 жителей, а в Украине — 14,4; детская смертность соответственно — 4,4 на тысячу рожденных и 7,8; продолжительность жизни — 77,8 года в Польше и 72,1 в Украине. Очевидно, что потенциал витальности населения зависит от благосостояния нации. Доход от латентных видов экономической деятельности предоставляет, скорее всего, преимущества в заботе о здоровье каким-то категориям граждан, никак не влияя на общий потенциал витальности в стране.

Самооценки благосостояния

В том, каким способом люди оценивают собственное благосостояние, есть много загадочного и интригующего. На подобных калькуляциях и их предъявлении в ситуациях опроса непредсказуемо сказываются (исследователь не в состоянии их определить и различить) национально обусловленные особенности восприятия условий и качества повседневного существования (“прибедняться”, “быть не хуже других”), а также ближний (статус

занятости, семья, знакомые) и дальний (регионы внутри страны, другие страны) “горизонт референции”. Однако какие именно выносятся оценки, как распределены негативные и позитивные, многое известно из статистических и социологических опросов в Польше и Украине.

Треть домохозяйств Польши в 2016 году (34%) считали свою материальную ситуацию очень хорошей и скорее хорошей, 54% — средней, а 12% — плохой и очень плохой; 59% располагали бюджетом, которого хватало на каждый день, но для дорогих покупок следовало откладывать сбережения; 2% домохозяйств жили в достатке и могли позволить себе практически все; 14% практически ни в чем себе не отказывали и не откладывали на будущее. Только в 2% домохозяйств не хватало на элементарные ежедневные потребности, а в 23% приходилось осмотрительно распоряжаться полученным доходом [Budzety, 2017: s. 74–77]. Тенденция также фиксируется: опрашиваемые отмечают улучшение ситуации с доходами.

Шкала оценки дохода в обследовании домохозяйств Украины содержит на одну позицию меньше, чем в Польше, что не позволяет напрямую сравнивать результаты. Но ведь и так не приходится сомневаться, что украинцы более радикальны в своих суждениях. В 2017 году 8% заявили о полном достатке, позволяющем делать сбережения; 50% — о достаточности дохода, но без сбережений; 38% сообщили о своих расходах исключительно на питание, а 4% — что не хватало и на питание. Только 10% опрошенных ожидают улучшения своей материальной ситуации, а 33% — ухудшения. Чтобы не ощущать себя бедным, доход на одного члена домохозяйства, по мнению 44%, должен превышать 9 тыс. грн (при фактическом в 3798 грн), то есть быть в 2,4 раза больше [Самооцінка, 2018: с. 10, 17]. Недостаточное вознаграждение — таково, по их мнению, условие ограниченного доступа к предметам повседневного и длительного потребления.

Собственно социологические данные дополняют такую картину, внося в нее дополнительные детали. Сошлемся на публикации Киевского международного института социологии (КМИС), регулярно отслеживающего самооценки населения, сводя их в индексы социального благополучия и индивидуального благополучия. Значения обоих индексов снижались с февраля 2014 года до мая 2016-го, а затем медленно подрастали: граждане более оптимистично стали оценивать перспективы условий материального существования. Коэффициент корреляции (r) между двумя индексами уменьшился с 0,48 до 0,34 в мае 2018 года [Паниотто, 2018]. Причем тенденция выше оценивать собственное благополучие по сравнению с благополучием государства проявляется с первых лет независимости страны. Иначе говоря, население убеждено в том, что государство и прочие социальные институты гораздо хуже заботятся об общем благе, чем индивиды заботятся о личных и семейных интересах и потребностях. Такие соображения, резонно предположить, не могли сложиться вне масштабного присутствия сети неофициальных экономик.

С недавних пор Государственная статистическая служба Украины отслеживает так называемую материальную депривацию — отсутствие возможности что-то оплатить или иметь в распоряжении, о чем сообщают сами опрашиваемые. Инструментом является таблица из девяти видов услуг и предметов, которые домохозяйство не может себе позволить. Перечень с 2004 года используется в Европейской статистике доходов и условий жизни — The European Union Statistics on Income and Living Conditions (EU-SILC). Он та-

ков: домохозяйство не может себе позволить: 1) оплачивать непредвиденные расходы; 2) недельный отдых вне дома; 3) оплатить просроченную задолженность (ипотека или аренда, коммунальные счета или покупки в рассрочку); 4) питание с включением мяса, курицы, рыбы через день; 5) отопление жилища на должном уровне; 6) стиральную машину; 7) цветной телевизор; 8) телефон; 9) автомобиль. Если определенная доля респондентов сообщает о невозможности приобретения трех видов услуг и предметов (формула расчета приводится в документах EU-SILC), то семья находится в ситуации материальной депривации; если 4-х — крайней материальной депривации.

В материалах о результатах обследования домохозяйств Украины в октябре 2017 года имеется таблица сравнения показателей депривации со странами Европейского Союза. Так, 42% украинцев не позволяют себе три вида услуг и предметов, а 27% — четыре, тогда как в Польше — 15% и 7% соответственно. (Хуже собственную ситуацию оценивают домохозяйства в Болгарии (47% и 32%), а чуть лучше — в Греции и Румынии). 52% опрошенных не могут позволить себе недельный отпуск раз в год за свой счет, 60% — непредвиденные расходы, 28% — автомобиль. О нерегулярном потреблении мяса поведали 25% украинцев и 6% поляков (в Болгарии 35%). О недостатке средств для текущих платежей — 28% в Украине, 11% — в Польше, 48% — в Греции, 34% — в Болгарии.

Согласно известнейшей социологической теореме, определение респондентами своей материально-финансовой ситуации становится для них значимым источником неудовлетворенности качеством собственной жизни и способно побуждать к действиям. Если измеряемый КМИС индекс социального благополучия меньше индекса индивидуального благополучия, если обстоятельства повседневного существования довольно массово приравниваются к материальной депривации и крайней материальной депривации, то это свидетельствует о том, что опрашиваемые в Украине знают о существующих в государстве различиях и ограничениях в шансах, возможностях, доступности, как и о том, что социальные институты скорее поощряют таким различиям и ограничениям, чем способствуют индивидуумам их преодолевать.

Конечно, никто не обманывается относительно собственных условий и возможностей покупать и потреблять. Но хотя допущение о неискренности с интервьюером не остается вне обсуждения методической достоверности получаемой информации о доходах и расходах, нельзя отрицать существования когнитивного диссонанса, выявляемого у респондентов в обследованиях домохозяйств и социологических опросах. Люди живут в окружении вещей, подавляющее большинство которых государством оцениваются в денежных единицах по себестоимости. При этом они сами в виде товара “рабочая сила” относительно дешевы и вынуждены компенсировать сильную недооценку лично доступными способами, не позволяющими, впрочем, что-то кардинально изменить в образе жизни и качестве удовлетворения витальных потребностей.

Экономическое и социальное неравенство в Украине и Польше

Бедность граждан по большей части обусловлена низким уровнем социально-экономического развития страны с соответствующими показателями

ми ВВП, заработных плат, доступности образовательных и медицинских услуг, а также распространенности практик депривации и исключения. Но не существует правила, устанавливающего единообразное соотношение экономического неравенства и благосостояния населения. Известно, что высокому благосостоянию может сопутствовать как глубокое неравенство в доходах индивидов и домохозяйств (США), так и незначительное (Швеция), а бедные страны бывают и крайне неравными по общим доходам домохозяйств. Вот как обстоят дела в сравниваемых странах.

По оценкам самых разных международных инстанций, производящих эконометрические расчеты, в середине 2010-х годов коэффициент Джини в Польше был чуть больше 0,3 и уменьшался последние несколько лет, а в Украине — 0,23–0,25 и несколько увеличился. В среднем в 20% домохозяйствах Польши с лучшей ситуацией по доходам (5-я квинтильная группа) аккумулировано 39% всего дохода, в 20% домохозяйств с наихудшей ситуацией — 8%, то есть разница составляет 31%, а в денежном эквиваленте — в 5 раз [Budzety, 2017: s. 46, 51]. В то же время в Украине — соответственно 34% и 11% с разницей в 23%, в денежном эквиваленте — в 3 раза [Соціально-економічне становище, 2017: с. 2, 3]. Оба случая, впрочем, обнаруживают заметно меньше неравномерности, чем зафиксировано в исследовании доходов итальянских домохозяйств более столетия тому назад и широко известно как “правило В.Парето”, когда 20% единиц наблюдения владеют 80% всех доходов.

Отличия в цифрах вроде бы однозначны: экономическое неравенство в Украине меньше, чем в Польше. Но когда речь идет о таких чувствительных вещах, как доходы индивидов, не стоит спешить расставаться с сомнениями. В случае Украины доходы явно недоучтены, к примеру, в сегменте высокооплачиваемых менеджеров государственных и частных компаний статистика, в отличие от европейских стран, не ведется, что сказывается на значении коэффициента Джини. В репрезентативных же опросах респонденты не отчитываются о всех личных или по домохозяйству доходах, с которых чаще всего не платятся налоги в национальный бюджет. Оттого приведенные выше числовые значения степени стратифицированности вполне корректны относительно исходных данных, которые, однако, не то чтобы неверны, но явно неполны.

Применительно к Польше коррекция оценок осуществлена на основе мировой базы данных о неравенстве и доходах (World Inequality Database — WID). Так как неравенство в доходах, выявляемое в опросах, оказывается заниженным, то соответствующие данные следует дополнить сведениями о налогах, уплаченных теми, кто получает высокие доходы. И тогда обнаруживается, что становление капитализма в Польше, ее транзитивный успех сопровождается углублением неравенства. За последние 25 лет доля дохода, приходящаяся на 10% самых богатых, увеличилась с 23% до 40%, а на 1% — с 4% до 14% [Bukowski, Novokmet, 2017].

Подобной аналитики относительно Украины нет, но неоднозначность ситуации с неравенством ясна из косвенных данных. В марте 2018 года американский “Forbes” опубликовал ежегодный рейтинг самых богатых людей в мире. В нем 2124 позиции с состоянием не менее одного миллиарда долларов, причем на одной позиции размещены порой десятки человек, так что имен там намного больше. В списке семь украинцев и шесть поляков. По

данным Всемирного банка, номинальный ВВП Украины в 2017 году составлял 112,2 млрд долл., а шестеро из списка обладали активами в 12,2 млрд долл., что составляет 11% ВВП. В Польше в том же году ВВП — 510 млрд долл., а шестеро из списка владели 13,8 млрд долл., или 2,7% ВВП, то есть их доля в созданном национальном богатстве была в четыре раза меньше, чем у коллег по бизнесу из Украины.

Весной 2018 года украинский еженедельник “Фокус” и польский “Wprost” представили (в долларах и золотых соответственно) рейтинги 100 самых богатых людей своих стран (для приблизительной иллюстративности сопоставимость способов формирования рейтингов принимается нами без обсуждения). Соотношение активов каждого 13-го украинца и 13-го поляка (для 2017 года по курсу в 0,27 доллара за злотый) в обоих списках оказались 1 к 1,1; 22-х — 1 к 3,4; 45-х — 1 к 1,8; 61-х — 1 к 1,7; 87-х — 1 к 1,9. Ничего удивительного в том, что в более эффективной экономике и предприниматели состоятельнее. Но поскольку номинальный ВВП Польши в 4,5 раза превышает ВВП Украины, то отсюда следует, что заметно большая часть высокодоходных активов в нашей стране концентрируется в распоряжении более ограниченного количества людей и компаний. Ведь активы — это предприятия и организации с менеджерами и персоналом, доходы которых могут вполне соответствовать европейским стандартам или же приближаться к ним; так формируется особый сегмент национальной экономики, занятые в котором могут позволить себе престижное потребление или, по-другому, потребление, отсылающее к статусу. Иначе говоря, сложившаяся асимметрия в размещении и обладании активами имеет очевидные материальные и эмоциональные воплощения, среди которых назовем всего лишь два: активность покупателей на рынке легковых автомобилей и восприятие социального неравенства населением.

Почти в три раза больше домохозяйств Польши имеют личный транспорт. Но и апгрейд ему устраивают интенсивнее — в 2017 году новых авто продано 486 532, а в Украине, где рынок только начинает восстанавливаться после обвала, — 82 248, в 6 раз меньше (в предкризисном 2013 году их разошлось 213 322). Причем если поляки чаще покупают бюджетную “Skoda”, то украинцы из не имеющих пробега предпочитают кроссоверы от производителей “Toyota” и “Renault”. Доля купленных новых автомобилей пяти премиум брендов — BMW, Audi, Mercedes, Lexus, Land Rover — в марте 2017 года составила 15%, в декабре — 13%. В марте таких машин продано 1108, в декабре — 1202 (данные ассоциации “УкрАвтоПром”). Иначе говоря, участок престижного и демонстративного потребления является заметной отличительной чертой рынка новых автомобилей в Украине.

В СМИ со ссылкой на и.о. председателя государственной фискальной службы М.Продана сообщалось, что в 2017 году 4063 налогоплательщика сообщили о доходе более миллиона гривень, а средний среди них составил 8,2 млн грн. Между тем машин названных пяти премиум брендов продано 10 735. Даже не обращая к данным по количеству сделок о покупке квартир, только из сопоставления численности миллионеров и продаваемых дорогих автомобилей следует, что богатых людей в стране значительно больше, чем отчитавшихся о больших заработках. Согласно официальной статистике в Украине на 1000 населения зарегистрировано 200 легковых машин. Если даже принять размер семьи в 2 человека, то среди 500 семей 40%

будут обладать машиной много больше, чем по данным обследования домохозяйств.

Разумеется, недекларируемые доходы и имущество — едва ли не норма там, где теневые виды деятельности вписаны в экономику и социальные взаимодействия. Само их существование — это минус в благосостоянии нации и плюс в благосостоянии граждан, достаточный для ощущения, будто дела у людей идут лучше, чем у государства и его институтов. О степени стратифицированности благосостояния внятно проговаривается иерархичность рынка автомобилей (как и рынка жилья) с его распределением машин по классам и срокам эксплуатации: премиум, средний, бюджетный, стремительно растущий вторичный, на котором преобладают купленные за рубежом с номерами Евросоюза. Участвующие в обследованиях домохозяйства частично оказываются клиентами “вторичного” рынка, как и оставшиеся вне его, поскольку не могут позволить себе столь дорогую покупку (напомним — 28%) или же вообще не планируют иметь личный автотранспорт. Но клиенты первичного рынка автомобилей в выборку вообще не попадают, отказываясь участвовать.

Следствия из диспропорций в распределении активов и реальных доходов в Украине материализуются в асимметричном доступе к качественному жилью, продуктам питания и предметам домашнего обихода, образованию, медицинскому обслуживанию, отдыху. Разновидности разграничений и сегментаций многочисленны и очевидны, они фиксируются гражданами и предъявляются в опросах. Л.Малыш в модуле “Социальное неравенство” международного проекта ISSP (более 40 стран-участниц) отобрала 20 показателей для анализа подобия и отличий в восприятии неравенства, объединяя страны в кластеры методом межгрупповых связей и представляя результаты в виде дендрограмм.

В Украине проведена только последняя волна 2009-го — года кризиса и крутого падения доходов населения. На полученных данных было показано, что к общему кластеру она присоединяется последней: респонденты считают неравенство крайне глубоким. Чаше опрошенных в других странах украинцы полагают, что для успеха в жизни, занятия престижной позиции, необходимы социальные связи — мягкое указание на активы в виде влиятельных родственников, взаимных обязательств на почве оказания неэквивалентных услуг. Что доступ к высшему образованию для многих закрыт (не могут позволить себе платить за обучение), что оплата труда несправедлива (“мы фатально недооценены”), а разница в доходах слишком велика (кто-то не по заслугам и не по способностям переоценивается) [Малиш, 2011: с. 115, 117]. Оценки состояния неравенства польскими респондентами гораздо более умеренны во всех волнах. В волне 1992 года они близки к оценкам австрийцев, в волне 1999-го — венгров, португальцев и чилийцев, в волне 2009-го — хорватов [Малиш, 2011: с. 107, 111, 115].

Респондентов просили также определить, какая из пяти диаграмм наиболее точно отражает распределение людей в обществе. Так, 63% украинцев (в Польше — 37%) выбрали ту, которая указывает на наиболее неравномерную стратификацию (рис. 8) и описывалась в анкете так: “Немногочисленная элита наверху, немногие посередине и абсолютное большинство внизу”. Очевидно, что это реакция вовсе не на умеренное неравенство, фиксируемое официальной статистикой заработных плат и доходов домохозяйств и выражае-

мое коэффициентом Джини со значениями 0,2–0,3. Скорее всего, выбор наиболее простой фигуры предопределен знанием и опытом жизни в наглядно и резко стратифицированных порядках стагнирующей экономики в первые два десятилетия независимости страны. При этом массовость выбора свидетельствовала о большом сходстве оценок индивидов с разным материально-финансовым и образовательным статусом. Это было едва ли не общее настроение вопреки признаваемым в социологии значимыми различиям в возрасте, квалификации, престиже профессий (и поверх них) — настроение, отсутствующее не лучшим временам в совместной жизни людей.

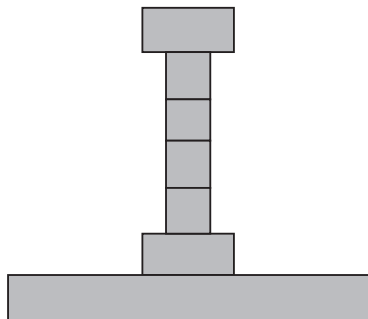

Рис. 8. Как распределены люди в обществе

Суммирующие констатации

Едва ли не единственным сильно недооцененным товаром в Украине является рабочая сила (подавляющее большинство товаров и услуг продаются по себестоимости) — неизжитый за годы независимости реликт советской эпохи, то, что выгодно работодателям и внешним инвесторам и что принуждает часть экономически активного населения предпочитать зарубежные рынки труда.

Благосостояние наций, граждан и экономическое неравенство весьма приблизительно оцениваются традиционными показателями (коэффициент Джини, децильные и прочие распределения) вследствие непрозрачности хозяйственной тени. Чем она больше, тем труднее корректно определить ситуацию со стратификацией в стране. Оценки остаются приблизительными, но тренды распознаются.

Поступательный и устойчивый, как в Польше, переход от централизованной экономики к рыночной сопровождается умеренным углублением экономического неравенства. Абнормальный (отклоняющийся от “правила Польши” или, быть может, от “казуса Польши”) переход приводит к концентрации доходов в распоряжении немногих на высших ступенях социально-экономической иерархии и воспроизводству латентных механизмов их перераспределения между различными категориями населения, о влиянии которых на процессы расслоения шансов удовлетворения витальных и экзистенциальных потребностей мало что известно.

Благосостояние граждан и экономическое неравенство продуцируются конфигурацией отчасти явно, отчасти латентно сообщающихся “экономик”. Высокодоходной смешанной (государственная, крупный бизнес, теневая экономика); среднедоходной (государственная + средний бизнес, теневая

економіка); низкододовою (державна + малий бізнес); індивідуальною не декларуваною занятістю; роботою за кордоном. Їх причудливе і по більшій частині не відстежуване взаємодія (перерозподіл доходу і послуг) фрагментує простір споживання.

В Україні стійливо відтворюється домінуюча асиметрія ринку праці і доходу: накопичення активів і високої вартості “людського капіталу” в одній частині і скромні активи з недооцінкою “людського капіталу” — в другій. Саме ця остання потрапляє в дослідження домогосподарств, а також в репрезентативні опитування населення, так що отримані дані про матеріальну ситуацію різних категорій населення зазвичай неповні. Суди про щільність розподілу індивідів між двома полюсами ґрунтуються на косвенні дані, а для більшій їх достовірності вимагається проведення більш спеціалізованих досліджень поведінки різних прошарків і груп на споживачьких ринках і ринках фінансових послуг.

В сприйнятті нерівності, фіксуємою в Україні опитуваннями, відображена, власне кажучи, ступінь радикальності такої асиметрії. І все ж воно ближче до того, що можна назвати “реальною ситуацією справ”, ніж статистичні оцінки з досліджень домогосподарств.

Масштабна тіньова економічна діяльність підтримує, во-перше, дешевизну українських працівників на внутрішньому і зарубіжному ринках праці. Во-друге, відтворює стійку субкультуру відхилення від сплати податків, надаючи їй стійкі риси нормативності. Во-третє, надає цій соціально-економічній патології системний характер, обумовлюючи депресивне стан життя важливих сфер суспільства — охорони здоров'я, науки, освіти.

Источники

Алексинська, М., Бастрєкова, А., Харченко, Н. (2018). *Зайнятість через цифрові платформи в Україні. Проблеми та стратегічні перспективи*. С.І.: Міжнародна організація праці.

Житловий фонд України. Статистичний збірник. (2018). Київ: Державна служба статистики України.

Малиш, Л. (2011). Спільне та відмінне у сприйнятті соціальної нерівності населенням різних країн. *Соціологія: теорія, методи, маркетинг*, 4, 97–120.

Наявність у домогосподарствах товарів тривалого користування (за даними вибіркового опитування домогосподарств у жовтні 2016 року). Статистичний збірник. (2017). Київ: Державна служба статистики України.

Овчарова, Л. Н. (Ред.). (2018). Население России в 2018 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Специальный выпуск “Межстрановые сопоставления заработных плат в 2011–2017 годах”. Москва: Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики.

Паніотто, В. І. (2018). *Самопочуття мешканців України у травні 2018 року*. Прес-реліз. Київський міжнародний інститут соціології. 13.07.2018. Отримано з <http://kiis.com.ua/дані/прес-релізитазвіти>

Самооцінка домогосподарствами України рівня своїх доходів (за даними вибіркового опитування домогосподарств у січні 2018 року). Статистичний збірник. (2018). Київ: Державна служба статистики України.

Соціально-економічне становище домогосподарств України у 2017 році (за даними вибіркового обстеження домогосподарств). (2017). Державна служба статистики України. Отримано з <http://stat.gov.ua/статистичнаінформація/доходитаумовижиття>

Atkinson, A. B., Bourguignon, F. (Eds.). (2015). *Handbook of Income distribution* (Vol. 2B). S.I.

Budżety gospodarstw domowych w 2016. (2017). Warszawa: Główny urząd statystyczny.

Bukowski, P., Novokmet, F. (2017). Inequality in Poland: Estimating the whole distribution by g-percentile 1983–2015. WID world Working Paper Series № 2017/21.

Feige, E.L. (2016). Reflections on the Meaning and Measurement of Unobserved Economies: What do we really know about the “Shadow Economy”? *Journal of Tax Administration*, 2(1), 5–41.

Feld, L. P., Larsen, C. (2012). *Undeclared Work, Deterrence and Social Norms. The Case of Germany*. Berlin Heidelberg: Springer-Verlag.

Lange, G.-M., Quentin, W., and Kevin, C. (Eds.). (2018). *The Changing Wealth of Nations 2018: Building a Sustainable Future*. Washington, DC: World Bank.

Medina, L., Schneider, F. (2018). *Shadow Economies Around the World: What Did We Learn Over the Last 20 Years?* IMF Working Paper /18/17: International Monetary Fund.

Schwab, K., Sala-i-Martin, X. (2016). *The Global Competitiveness Report 2016–2017*. Geneva: World Economic Forum.

Матеріал получен 15.01.2019

References

Aleksinska, M., Bastrakova, A., Kharchenko, N. (2018). Work on Digital Labour Platforms in Ukraine: Issues and Policy Perspectives. International Labor Office Work on Digital Labour Platforms in Ukraine: Issues and Policy Perspectives. [In Ukrainian]. International Labor Office. [= Алексинська 2018]

Atkinson, A. B., Bourguignon, F. (Eds.). (2015). *Handbook of Income distribution* (Vol. 2B). S.I.

Bukowski P., Novokmet F. (2017). Inequality in Poland: Estimating the whole distribution by g-percentile 1983–2015. WID world Working Paper Series № 2017/21

Feige, E.L. (2016). Reflections on the Meaning and Measurement of Unobserved Economies: What do we really know about the “Shadow Economy”? *Journal of Tax Administration*, 2(1), 5–41.

Feld, L. P., Larsen C. (2012). *Undeclared Work, Deterrence and Social Norms. The Case of Germany*. Berlin Heidelberg: Springer-Verlag.

Household Budget Survey 2016 (2017). Warsaw: Central Statistical Office.

Housing fund of Ukraine. (2018). Statistical digest. [In Ukrainian]. Kyiv: State statistical department of Ukraine. [= Житловий фонд 2018]

Lange, G.-M., Quentin, W., and Kevin, C. (Eds.). (2018). *The Changing Wealth of Nations 2018: Building a Sustainable Future*. Washington, DC: World Bank.

Malysh, L. (2011). Common and divergence in perception of social inequality in different countries. [In Ukrainian]. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 4, 97–120. [= Малиш 2011]

Medina, L., Schneider, F. (2018). *Shadow Economies Around the World: What Did We Learn Over the Last 20 Years?* IMF Working Paper /18/17: International Monetary Fund.

Ovcharova, L. N. (Eds.). (2018). A population of Russia in 2018: income, expenses and social feel. Monitoring of Research Institute of Higher School of Economy. The special issue “Comparison of salaries in 2011–2017 in different countries”. [In Russian]. Moscow: RI HSE. [= Овчарова 2018]

Paniotto, V. I. (2018). *Perception of own well-being of the residents of Ukraine in may 2018*. Press releases and reports, KIIS, 13.07.2018. Retrieved from <http://kiis.com.ua/data/pressreleases> [= Паніотто 2018]

Publication Availability of Durables in Households (Household Budget Survey, october 2016). (2017). Statistical digest. [In Ukrainian]. Kyiv: State statistical department of Ukraine. [= Наявність 2017]

Schwab, K., Sala-i-Martin, X. (2016). *The Global Competitiveness Report 2016–2017*. Geneva: World Economic Forum.

Self-appraisal level of the profits by households of Ukraine (from data of the sample survey of households in January 2018). (2018). Statistical digest. [In Ukrainian]. Kyiv: State statistical department of Ukraine. [= Самооцінка 2017]

Socio-economic position of households of Ukraine in 2017 (from data of sample survey of households). (2017). [In Ukrainian]. State statistical department of Ukraine. Retrieved from <http://stat.gov.ua/data/incomeandlivingconditions> [= Соціально-економічне становище 2017]

Recieved 15.01.2019

НАТАЛІЯ КОВАЛІСКО, СЕРГІЙ МАКЕЄВ

Добробут і нерівність у порівняльній перспективі: випадок Польщі та України

Соціально-економічні траєкторії руху Польщі та України істотно розходилися з останнього десятиліття минулого століття і досі розходяться. Перша стабільно розвивається, надолужує відставання в якості життя людей від країн Західної Європи. В Україні ж рецесія 1990-х років змінилася нестійким зростанням економіки, що переривалося у другій половині 2000-х і в 2010-х роках. Порівняння даних офіційної статистики, обстежень домогосподарств та опитувань населення дає підстави констатувати, що поступальний і стійкий, як у Польщі, перехід від централізованої економіки до ринкової супроводжується помірним поглибленням економічної нерівності. Абнормальний (що відхиляється від “правила Польщі”) перехід призводить до надлишкової концентрації доходів і відтворення корупції як механізму їх перерозподілу між різними категоріями населення, а звідси — до виразнішого розширювання щодо можливостей задоволення вітальних і екзистенційних потреб. Існування масштабної тіньової економічної діяльності та недекларованої роботи підтримує дешевизну українських працівників на внутрішньому і зовнішніх ринках праці й формує стійку субкультуру ухилення від сплати податків.

Ключові слова: добробут нації, добробут громадян, дохід, домогосподарство, соціальна нерівність

НАТАЛІЯ КОВАЛІСКО, СЕРГІЙ МАКЕЄВ

Благосостояние и неравенство в сравнительной перспективе: случай Польши и Украины

Социально-экономические маршруты движения Польши и Украины основательно разошлись с последнего десятилетия прошлого века и расходятся до сих пор. Первая стабильно развивается, наверстывая отставание в качестве жизни людей от стран Западной Европы. В Украине же рецессия 1990-х годов сменилась неустойчивым ростом экономики, прерывавшимся во второй половине 2000-х и 2010-х годах. Сравнение данных официальной статистики, обследований домохозяйств и опросов населения позволило констатировать, что поступательный и устойчивый, как в Польше, переход от централизованной

экономики к рыночной сопровождается умеренным углублением экономического неравенства. Аномальный (отклоняющийся от “правила Польши”) переход приводит к избыточной концентрации доходов и воспроизводству коррупции как механизма их перераспределения между различными категориями населения, а отсюда — к более явственному расслоению возможностей удовлетворения витальных и экзистенциальных потребностей. Существование масштабной теневой экономической деятельности и недекларируемой работы поддерживает дешевизну украинских работников на внутреннем и зарубежном рынках труда и формирует устойчивую субкультуру уклонения от уплаты налогов.

Ключевые слова: благосостояние нации, благосостояние граждан, доход, домохозяйство, социальное неравенство

NATALIA KOVALISKO, SERHII MAKEEV

Well-being and inequality in comparative perspective: the case of Poland and Ukraine

Socio-economic trajectories of Poland and Ukraine have been considerably diverging since the last decade of the 20th century. The former has been advancing and catching up with Western European countries in terms of the quality of life — whereas in Ukraine, the 1990s recession gave way to unsustainable economic growth, which interrupted in the second half of the 2000s and in the 2010s. The comparison of official statistics, along with the data of household surveys and public opinion polls, makes it possible to conclude that a progressive and sustainable transition from a command economy to free market, as exemplified by Poland, is accompanied by moderate deepening of economic inequality. However, an abnormal transition (deviating from the “Polish rule”) entails excessive concentration of wealth and gives rise to corruption as a mechanism of income redistribution among different categories of population. This also results in a more noticeable stratification of opportunities for meeting vital and existential needs. Owing to a large proportion of shadow economy and undeclared work, Ukrainians remain a source of cheap labour in both the domestic and international labour markets; in addition, a persistent subculture of tax evasion is being formed in this country.

Keywords: a nation’s well-being, citizens’ well-being, income, household, social inequality